

ЛИНА КЛИМАНИКА

ИСПОВЕДЬ МЕДПРЕДА

Лина Климаника
Исповедь медпреда

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Климаника Л.

Исповедь медпреда / Л. Климаника — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-12542-1

Героиня книги - Марина Мишина из "потерянного поколения", чья молодость пришлась на беспокойные 90-е. Развал Союза, развал привычной жизни. Ставший ненужным стране красный диплом медицинского института заставил ее сменить профессию врача на непонятную ей самой профессию медицинского представителя. Жизнь, любовь, работа девушки - смешные, грустные, анекдотичные ситуации, в которых узнаешь и себя и своих знакомых. Врачам, их пациентам и всему фармацевтическому сообществу посвящается.

ISBN 978-5-532-12542-1

© Климаника Л., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

ИСПОВЕДЬ МЕДПРЕДА

Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем.
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою – за счастьем.

М. Цветаева

ПРОЛОГ

2013. май.

Я вертела в руке телефон. Красная мазда подрезала правое крыло и нагло затормозила. Бл.ин! Привычно ругнулась, ни к кому не обращаясь конкретно, еще пока молодая ничего себе брюнетка. Иногда полезно посмотреть на себя со стороны и далеко не всегда я бываю к себе настолько терпима.

Но сегодня как никогда организм нуждался в добром слове. Сегодня был тот редкий приступ острой грусти, когда казалось, что все шансы упущены, что прекрасный принц так и не дождался, когда принцесса наконец проснется и громко потребует уделить ей внимание и всю его жизнь, да и сердце в придачу.

Вообще, я была как-то неправильно воспитана на смеси ожидания и сознания, что принц выбирает себе невесту сам; выбирает, а потом упорно добивается, а дело принцессы – быть образцом: примерной матерью, умницей-красавицей, отличной хозяйкой, супер-любовницей. Эта программа годам к четырнадцати (ту часть, которая не касалась любви), была успешно осуществлена: собрана своя книга рецептов, попадались и сложные. И торты, и варенье, и компотики, и щи – борщики удавались, по отзывам, неплохо. Шить-вышивать-вязать учиться было не у кого – мама работала и на меня ее времени и желания не оставалось. Бабушка могла помочь добрым словом – потому что к моему рождению непонятная науке болезнь, которую обозвали в карточке «сирингомиелия», привела к полной неспособности ее что-то делать руками – они не подчинялись бабушкиным желаниям и «висели плетью», как образно она сама говорила.

Но в старом клетчатом чемодане, синем в красную клетку, лежали собранные старые вещи. Старые для меня – потому что некоторые появились задолго до моего рождения – и просто вышедшие из моды для мамы. Мама не любила этот чемодан – он был ею позабыт – «подброшен» на антресоли встроенного шкафа, потому что каждая тряпочка из него напоминала ей о бывшем муже, об упущенных возможностях, и так далее... Я не понимала этого, но, видя ее нахмуренные брови, забиралась наверх сама, в ее отсутствие, рискуя грохнуться с пуфика, поставленного на табуретку. Сначала я просто мерила все подряд, а потом попробовала перешить... Ну, не скажу, что это было супер модно, но прикольно – точно. А еще неординарно, точно – точно... Так что и с «шить – вышивать», как пела в свое время Долина, справилась...

«А хочешь, я выучусь шить,

А может, и вышивать.

А хочешь, я выучусь жить,

И будем жить – поживать?»

В это время все было такое серое – серенькое, а в школе у девочек еще и темно – коричневое с черным. Мое оранжевенькое и ярко-голубое смотрелось супер вызывающе. Наверное, спасало только то, что я была просто образцово-примерно-показательная.

Ну, вы помните советские фильмы? Умница-красавица... В общем, в детстве все было просто и понятно: умница, потом красавица, потом принц, ну потом вы знаете..

Неожиданно телефон звякнул. Смс-ка... Посмотрим... Денис... «Я тебя люблю».

Тоже мне, новость.

Мазда вильнула вправо. Снова влево. Опять вправо... Я почувствовала слабенькое желание похулиганить. Снова влево, и, конечно, как и ожидалось, опять подрез... Телефон полетел

на сиденье, я чуть-чуть притопила, справа Вольво любезно притормозил, дав мне перестроиться, и никто не помешал вклиниться влево перед Маздой и резко затормозить... На пару секунд... и снова притопить. Мазда вильнула, чудом уйдя от меня и ограждения... в заднее стекло мне было видно возмущенную рожу азербайджанца за рулем.

Настроение улучшилось. Начинался еще один офисный день в не очень большой европейской компании. К счастью, в офисе была приличная стопка служебных записок на подпись, вечные служебные записки (СЗ), куча отчетов по продажам от менеджеров со всей России, шесть вопросов от медицинских представителей, из них два, как обычно, каверзных. Два звонка от покупателей. Мини-совещание, внеплановая дефектура (полное отсутствие внезапно запродававшегося препарата) на складах дистрибьюторов, конфликтный постоянный потребитель, довольный постоянный потребитель, две рекомендации по сотрудничеству. Аптечная сеть с неумным аппетитом к маркетинговому бюджету, два рекламных агентства, жаждущих сотрудничества, одна моя презентация (parkin pitch – презентация, которая может уместиться на салфетке, до того коротка), десять резюме потенциальных новых подчиненных. Два собеседования, пара переговоров с лекторами, чашка ароматного кофе...м-м-м... (спасибо шефу за новый агрегат), проблемный сотрудник с проблемным увольнением, истерика менеджера в Сибири на ровном месте (видимо, женские критические дни, а в общем девушка очень толковая), новый имидж релонча (перепозиционирования бренда), старый вариант статьи по новой клинике, написанный профессором, новый вариант статьи, написанный мной и отправленный профессору, чтобы он любезно согласился поставить свою подпись, новая СЗ от менеджера по Сибири, но со старыми ошибками, внезапная гроза, стена офиса, в который Компания въехала месяц назад, превратившаяся в водопад, в общем-то органично вписывающийся в дизайнерский ремонт, поломка кондиционера, ночной экстренный запрос от дальневосточного клиента...

Десять вечера... Вопрос-мольба о помощи от коллеги – ну ты же знаешь! ... – да, знаю, ... нет, не сделаю...хорошо, сделаю... ладно-ладно. ... Не расстраивайся...

Домой?... Так, Яндекс... Пробка на выезде. Пробка на МКАДе. 8 баллов... Английский? 11 вечера... – закрыт английский! ... Счастье... Домой!

Что там в телефоне? Восемь пропущенных... Четыре смс-ки...Звоню... отвечаю... Высылаю...Нет, не буду. ...Конечно, разместим... Саня? Рада... Буду... Напишу... Не вопрос....

Что там еще? Ах, да, утреннее: «Я тебя люблю». ...

Часть первая. Начало.

ГЛАВА 1. Кем был я вчера.

Чем Вы раньше занимались? В «девичестве»?

цитата из собеседования

Эпизод 1. Валентина.

2003 сентябрь. Валентина Валерьевна Вербицкая работала вот уже 23 года гинекологом в типичной женской консультации. По статистике, половина обращений в ее кабинет были связаны с нежелательной беременностью и хламидиозами и положительных эмоций у Валентины Валерьевны не вызывали. Нет, она не была моралисткой, но, пожалуй, образцовой женой ее вполне можно было назвать. Ухоженный одноэтажный домик, довольный накормленный муж, «как счастливый котик», как она сама она частенько говорила о нем и двое уже подросших детей – Виктор, долговязый, тихий, старший, школьник, и папина любимица – непоседа Машка, дошколенок. Все в жизни было стабильно, неплохо, но Валентина чувствовала, что ежедневная рутина все больше и больше угнетает ее. Деятельная, энергичная и даже жесткая, в женской консультации она могла управлять только своей медсестрой, которая, впрочем, пред-

почитала отмалчиваться в ответ на справедливые замечания, а, порой, и откровенные придирки.

«Ну неужели нельзя вовремя обработать инструменты?!?!?», – бушевала Валентина Валерьевна. – «Как я должна работать горячим расширителем?! И где все пеленки?» – «Главный врач распорядилась, чтобы пациентки приносили пеленки сами, и объявление около регистратуры повесили», – робко откликнулась Света, взвешивая в данный момент очередную беременную, которую, вопреки правил, приняли вместе с одной женщиной из очереди обычных гинекологических пациенток – для экономии времени. «САМИ? Что они принесут сами, кроме скандалов? Каждая вторая будет возмущаться, а я – выслушивай?», – не успокаивалась она. В дверь робко постучали. «Здравствуйте, я – Василий Федянин, медицинский представитель компании «Плива», – Валентина Валерьевна высунулась из-за ширмы, чтобы достойно выставить нового нежелательного гостя, но, внезапно, передумала: «Ишь, как одет. Часы не бедные. Галстучек в тон. Портфельчик кожаный. Работа – не бей лежачего. Ни за что не отвечает», – подумалось ей.

«Здравствуйте – здравствуйте, пеленку принесли? Да шучу я, шучу, не пугайтесь, видели у нас объявление? Представляете, до чего дошли? Наши нищие пациентки все возмущаться будут. Все ведь копейки послеперестроечные получают, не то что Вы... Кстати, а Вы сколько получаете, Вася?» Медпредставитель, не ожидавший такого напора, заморгал. «Ну тысяч пять получаете?», – не сдавалась Валентина. Вася что-то промышчал, не очень членораздельное, но подтверждающее. «Вот!», – удовлетворенно констатировала она, – «А свободные места у вас есть?», – понесло ее еще дальше. «Н-не знаю», – выдавил Василий. «Ну вот узнаете, – тогда и приходите», – внезапно потеряв интерес к жертве, она нырнула обратно за ширму и оттуда опять принялась за медсестру: «Света, заканчивай, дай направление на кровь-мочу и пусть приходит через месяц».

Эпизод 2. Денис.

2002 октябрь. Денис Александрович положил зеркальце, при помощи которого осматривал верхний носовой ход пациента, на металлический почкообразный лоток и на минуту задумался. Его жена, Галина, просила забежать в школу, к старшему, Женьке, на собрание в 18.00, а пациент, которого он сейчас так замечательно «развел» на визит в частную клинику, мог подойти туда только в 18.30, не позже и не раньше! «Хорошо, – наконец ответил Денис Александрович скорее себе, чем пациенту, – Хорошо, пусть будет 18.30». «Галка, конечно, будет недовольна, – думал он, – придется ей самой топтать в школу. Ничего, сидит дома уже пять лет, пока я зарабатываю, может раз в полгода на собрание сходить, раз я занят». Приняв решение, он распрямил плечи и потянулся. Кареглазый, спортивный, любитель горных лыж, с обаятельной улыбкой, он притягивал взгляды не только медсестер, но и докториц разного возраста. Но Дениса Александровича они волновали мало. Ему недавно исполнилось 36, его жена была на 9 лет моложе его. Да и вообще, его родители, хотя и не живущие на старости лет вместе, воспитали примерного семьянина. Денис не засматривался на женщин, хотя и женился довольно опрометчиво, спонтанно, на девушке, которая, чтобы отомстить его другу за невнимание к ней, женила Дениса на себе. Денис не сопротивлялся ее решению, любил жену, обожал родившегося через восемь месяцев после брака мальчишку, работал ЛОРОм в районной поликлинике и подрабатывал в частном центре. Но денег все равно не хватало. Его жена, врач-лаборант, ни дня не работала по профессии, но Денис считал, что в дом деньги должен приносить мужчина, и сложившаяся ситуация его совсем не напрягала. Вот и сейчас он размышлял, как отложить достаточную для покупки жене шубы сумму. «Думай, – понукал сам себя Денис, – думай». В дверь снова постучали, и в кабинет втиснулась бочком бойкая пухлая старушка, в поликлинике ее знали все – от гардеробщицы, с которой она регулярно спорила из-за отсутствия вешалки на искусственной шубе из «чебурашки», до главного врача, которому регулярно носила анонимки на весь состав, который так ее и звал – «Анонимка». Анонимка пылливо посмотрела на

Дениса Александровича и умело заняла: «О-о-х, в глазах потемнело, надо се-есть!..», – усевшись, она бросила короткий взгляд на доктора и продолжила: – «Сынок, выпиши – ка мне Адельфан, сердце так стучит, и колени чтой-то ноют...» – «Маргарита Иосифовна, Вам надо по льготе, это к терапевту», – попробовал было схитрить Денис Александрович. «Не, – уперлась бабка, – я перепутала!.. Энтот, Онтипакс мне выпиши, чтой – то плохо слышать стала». «Отипакс тут не поможет, – попробовал было сказать доктор, но бабулю не так-то легко было сбить. «Очень даже помогает, ты выпиши, а я сама разберусь», – вредная бабулька потихоньку начала повышать голос. Денис представил себе надвигающийся скандал во всей красе и даже уже услышал Главврача, который строго забубнил, что он настоятельно предупредил, чтобы до конца месяца ни на кого не было ни одной жалобы, особенно в Минздрав, а это, после предупреждения, уже пятая по поликлинике, и он, Главврач этого не потерпит и больше не пойдет навстречу всяким таким докторам, которые больше думают не о лечебном процессе, а о совмещении, и все только для того, чтобы заработать на новую машину.

С последним трудно было поспорить – у Дениса была трехлетняя десятка и он последние полгода присматривался к красавице – двенадцатой. Родной АвтоВАЗ вот уже несколько лет выдавал большую часть зарплаты своим сотрудникам своими же автомобилями, но со скидкой. Скидка честно делилась пополам – и продавец был доволен, и покупатель в накладе не оставался. Друг Дениса работал на АвтоВАЗе, по этой же схеме Денис купил и свою десятку, но теперь Денису даже с учетом ее продажи не хватало 20 тысяч. Поэтому серебристая двенадцатая – а серебристый стал самым модным цветом этого сезона – продолжала оставаться недостижимой мечтой.

Бабулька прибавила громкость и вернула мысли Дениса к проблеме. Он вздохнул и было сдался – «Ладно, что Вам выписать? Давайте хоть карту заполним правильно... Что болит? Какие жалобы?», – но в этот момент не выдержала медсестра и подала голос из смотровой: «Ничего ей не выписывайте, Денис Александрович, она же потом не отвяжется, так и будет постоянно ходить!». Зинаида Ивановна, пожилая медсестра с высокой прической из седых с голубоватым отливом волос, работала в поликлинике уже двадцать лет и не боялась в поликлинике ничего и никого. Говорили, что ее солидного вида вкупе с хрустящим накрахмаленным белоснежным халатом, а еще королевской осанки побаивался сам Главный врач. Медсестра вышла из смотровой, вытирая полотенцем обработанные по всем правилам руки, осуждающе посмотрела на Анонимку и покачала головой.

«Это как это «не выписывайте»? Мои же копейки мне же и жалеете?», – тут же перешла на устойчивый крик Анонимка. Ее лицо побагровело, подбородок напрягся, но глазки продолжали хитро блестеть. Похоже, что она решила получить удовольствие от все-таки возникшего мини-скандала.

«Да, день определенно не задался, – с этой мыслью Денис бросил взгляд на недорогие наручные часы, – уже пять!» . «Я в регистратуру», – пояснил он Зинаиде Ивановне и выскочил в коридор мимо, на мгновение отвлекшейся на собственный крик, Анонимки.

«Леночка, не записывай ко мне сегодня никого больше», – попросил он у регистраторши, с переменным успехом пытающейся запихнуть толстую карточку, разбухшую от анализов и кардиограмм назад в картотеку. Леночка развернулась к нему, уронила карту, и, поднимая, указала ей на черноволосую девушку, с пристально изучающим его взглядом: «Вас тут какая-то девушка спрашивает». При этих словах указанная незнакомка приветливо улыбнулась, и, не дожидаясь вопроса, представилась: «Здравствуйте, Денис Александрович! Я – МП компании Яманучи. Где мы можем поговорить?», – на незнакомке был серый приталенный костюм, блузка со скромным вырезом, дорогой шелковый платочек на шее, и те самые сапоги, которые его жена недавно купила ровно за три зарплаты Дениса. «Однако», – подумалось ему. «Давайте завтра, – предложил он, но от незнакомки не так-то легко было отделаться. «Разрешите взять Ваш телефон, чтобы предварительно позвонить и договориться о встрече?» – «Домашний? –

не понял он, – В кабинете рабочего нет, звоните лучше в регистратуру». Она вскинула брови, и тут он заметил, что на ее груди в модном полупрозрачном чехольчике висит новинка, о которой месяц назад он только услышал – мобильный телефон... «Однако», – опять подумалось ему... «До завтра», – тем не менее решительно закончил он разговор, развернулся и покинул регистратуру.

Эпизод 3. Марина.

2003 март. Марина аккуратно закрыла тяжелую дверь поликлиники. В сумке лежали карты пациентов, к которым надо было сегодня зайти на «вызыва», в пакете – карточки, на которые надо составить статталоны. Постоянные бюрократические нововведения обескураживали и раздражали ее. В поликлинике оказалось удивительно мало лечебной работы. Одни и те же пациенты, одни и те же жалобы, одни и те же консультации длительно температурающих. В интернатуре было намного интересней... Но надо было торопиться. Через два часа Марина забирала дочку из садика. Она и так бралась из садика последней, и ребенок радовался, если после того, как они уходили, в садике оставался хотя бы еще кто-то кроме нее один «не забраный». Однажды Марина спросила – «Что ты хочешь на день рождения в этом году? И трехлетняя Дашка тут же ответила: «Забери меня из садика первой, мамочка!»

Так. Еще два вызова, в магазин за продуктами, приготовить ужин. Забрать дочку, погулять-поиграть с ней хотя бы часок, накормить семью, заполнить статистические талоны, уложить Дашку спать и до одиннадцати ночи успеть рассчитать изменения в платежах по свету, чтобы затем до полуночи написать новые жировки и разнести по почтовым ящикам соседей. Бухгалтером за дополнительную к семейному бюджету плату в 900 рублей Марина подрабатывала уже год. В их кооперативном доме не нашлось больше никого, кто бы был таким ответственным за такую мизерную зарплату. Но выбирать не приходилось. Пока Марина училась в институте, она подрабатывала в городской дезинфекционной станции ночами, помощником эпидемиолога – с 18.30 до 8.00, два-три раза в неделю, с ней вместе работали и ее однокурсница и девочка с на год старше, с лечфака – лечебного факультета – будущий хирург. Наташа вкалывала усердно – к девушке – хуриргу у суровых мужиков отношение было соответствующее – мол, побегаешь, хвостом покрутит, и замуж, в декрет. Первая сменщица – Кемя – часто уезжала к себе на родину, в Хакасию, а Наташа часто оставалась в хирургии на дополнительную практику, и Марина их замещала. Элеонора Викторовна, начальница Марины, только нахваливала ее и в глаза и за глаза – безотказная, берется за любую работу, в любой день, и субботы, и воскресенья, и праздники прихватывает. В праздники оплата шла по тройной ставке, в выходные и ночью по двойной и на круг выходило до 9 тысяч. Правда, в комнате, заставленной шестью столами, шкафчиками с желтой от времени картотекой и шестью разношерстными телефонами, было не повернуться, спать запрещалось, и ночами, на первом этаже старинного дореволюционного здания, было жутковато, но Марине полагался охранник, даже с овчаркой. Их было два, работающих посменно. Старший, дядя Юра, подкармливал тонкую и хрупкую Маринку бутербродами, а молодой, афганец, Ирек, анекдотами, а бутербродами его подкармливала она сама. Очередной охранник дожидался, пока Марина защелкнет задвижку на двери кабинета на ночь и уходил спать в холле, на старом обитом дерматиновой кожей диване. А еще раньше вместе с ним там спал водитель и пожилая тетенька – «дезбригада», которую Марина отправляла на дезобработку очага, если по телефону передавали «вспышку инфекции». Потом эпидемиология в стране стала неактуальной, потому что денег на ней зарабатывать нельзя было, и дезбригады прекратили свое существование, но дезстанции, и, соответственно, работа у Марины остались. Однажды она даже приняла по телефону извещение о вспышке брюшного тифа, а потом и холеры, и Марина по тревоге подняла все начальство и действительно не спала всю ночь, участвуя в госпитализации, обработке очага и изоляции контактных. Веселенькое было время. Ирек, в Афгане немало повидавший, но один из немногих выживших, не покалеченный ни физически, ни душевно – не утративший ни оптимизма, ни

особого беззлобного юморка, ни благожелательного отношения к любому из людей, оберегал Маринкин покой, следил, чтобы она не забывала поесть. Успокаивал уже собравшихся скандалить из-за долгого ожидания на параллельных трубках. У нее было целых шесть городских телефонов с разными номерами и еще один, особый, для связи с руководством. Иногда они трезвонили все одновременно. Каждый телефонный звонок не то что выводил, а выбрасывал из зоны комфорта, каждый нес какую-то проблему. Однажды позвонил муж какой-то беременной и умолял прислать дезинфекционную машину. Все увещевания, что нельзя, должна быть «чистая» скорая помощь, не действовали.

Марина стала тихо ненавидеть телефоны. Юмор Ирека был так кстати. А однажды они с Иреком даже встречали Новый год вместе, на дежурстве, слушали радио и много шутили... Мысли Марины оборвала машина, которая, не притормозив на повороте, обдала Марину грязным снегом. На ней уже было весеннее светлое пальто, и теперь на нем красовались мокрые грязные разводы. «Вот и выпендрилась, – вздохнула Марина, – пальто повышенной сложности!» Она только вчера забрала его в ателье. Материал достался очень недорого по случаю, фурнитуру нашла дома, а фасон придумала и нарисовала мастеру сама, сама же сделала отделку беечкой из бархата, оставшегося от вечернего платья, которое Марина сшила недавно. Но, когда она пришла расплачиваться, старший мастер выписала квитанцию за работу вдвойне. «Почему?», – искренне удивилась Марина. «Ну, у Вас же такой необычный фасон, – пояснила та ей, – смотрите, какая прелесть получилась, мы еще никому так удачно не шили, вот что Вам придумали. Пальто повышенной сложности!». «Да это не Вы, а я придумала. И, пожалуйста, можете мою идею использовать, мне не жалко, только сделайте скидку». Так цена за пошив не только вернулась к первоначальной, но даже стала ниже преysкуранта. Хотя был ранний март, Марина не удержалась и надела его, и вот, пожалуйста, такая незадача...

За невеселыми мыслями она не заметила, как дошла – нужный подъезд, второй этаж. Маринка не любила улицу Комлева – на первом курсе она опоздала на лекцию – выросшая в маленьком военном городке, с всего лишь тридцатилетней историей улиц, не ожидала, что в старой Казани застройка сплошная – чтобы не было ветров на холмах, промежутков между домами и дворами нет. Она свернула не на ту улицу, и собиралась просто вернуться через ближайший двор... «Опоздание десять минут, – серые глаза Лябиум смотрели довольно холодно. Тонкий носик был презрительно сморщен, – можете не проходить на занятие, придется отработать». Маринка вздохнула, но спорить не стала – бесполезно. Любви к городу это не прибавило. «Вот окончу институт, получу диплом и сразу же уеду – даже на выпускной не останусь», – в который раз уже подумала она.

Улица Комлева и с фасадов зданий выглядела довольно убого. «Долой трущобы!», «Снести развалины!» – эти и менее оптимистичные «Ванька – козел» и «Серковы – ведьмы» украшали деревянные старокрашенные доски. Тем не менее во дворах одно и двухэтажных зданий было еще безысходнее. Весеннее солнышко не могло ни расцветить слежавшиеся кучи мусора около непонятого предназначения ржавых бочков ни уничтожить запах мочи и чего покрепче из туалета, покосившегося в сторону дома, к которому вела пока еще не растаявшая натоптанная ледяная дорожка.

Да-а, и изнутри такой же, без попыток хозяев приукрасить действительность, старый дом, стойкий запах кошачьей мочи, сумрак, пыльные подъездные окна, обитая непонятно-серым материалом дверь... Открыла женщина неопределенного возраста, одетая в халат и поверх – растянутую коричневую кофту. В квартире тоже было пыльно и неряшливо. Деревянные полы, старая мебель, выцветшие занавески, бардак, газеты на полу, казалось, были одного возраста с мебелью. «Проходите – проходите, не разувайтесь, вот он, ему же в армию нельзя, ну как он там будет?» Не очень ориентируясь в происходящем, Марина все же прошла в указанном направлении к разложенному дивану, на котором без простыни, но на подушке с несвежей наволочкой лежал то ли парень, то ли уже пожилой мужчина. Наклонившись, Марина рассмотрела

– парень, но с сильно помятым лицом, редкими, нечесаными волосами, желтушной кожей, и расширенными, почти без радужки, зрачками. Марина оттянула веко – склеры желтушные, взгляд расфокусирован. Печень плюс два, край закруглен, умеренно болезненный. Живот мягкий, безболезненный, Пастернацкий отрицательный, моча темная, кал светлый, вот уже пять дней, – привычно застрочила она в карточке. Задрала рукав порванной рубашки. Как и ожидалось, вены локтевого сгиба склерозированы, на кисти также следы многочисленных инъекций. «Ну так как? Как он в армию?», – опять спросила по-видимому, мать парня. «Вот Вам направление в первую инфекционную, на Достоевского. Сами доедете?» – «Нет, доктор, миленькая. Куда он сам?», – запричитала женщина. «Хорошо-хорошо, не волнуйтесь, телефон есть?» «Да, сюда, пожалуйста». «Алло, скорая? Вторая поликлиника, седьмой участок, врач Мишина... средней тяжести, ближе к тяжелому... ВГВ под вопросом... Комлева, 17-23... 30 минут?... Спасибо... Номер госпитализации?... А извещения?... Ага.» Марина повесила трубку, вздохнула, отодвигая три сотни, протянутые ей в прихожей и вышла, наконец, на улицу, торопясь в детский садик... Уже у дома Марина вспомнила, что к ужину надо хлеб, и, держа дочку за руку, повернула в магазин. У витрины ее маленькая, всегда скромная, никогда ничего не кланчившая Дашка, вдруг сказала, указывая на новый чупа-чупс в яркой красной обертке: «Мамочка, купи, позалуйста, кофетку!», – она старательно выговорила слова, подняла голову и просительно посмотрела снизу вверх на Марину. Продавщица умилилась, глядя на большие Дашкины глаза и смешные русые хвостики. «Я буду себя очень хорошо вести», – чувствуя Маринино замешательство, поспешно добавила она. Марине не надо было заглядывать в кошелек, она и так знала – там оставалось ровно 15 рублей на половинку черного или на чупа-чупс. А до зарплаты оставалось еще два дня. Марина и готовила, покупая продукты спозаранку с колхозных машин – так дешевле, и считала каждую копейку, но на зарплату врача и инженера ведь не разгуляешься..

В тот самый год, когда Марина получила красный врачебный диплом, вышло постановление правительства, которое гласило о невозможности работать лицам с врачебным дипломом на ставках с более низкой квалификацией. «Переходи на врачебную ставку, в день», – уговаривала ее начальница, Элеонора Викторовна, но Марину не смогла уговорить даже главный врач, которую она очень уважала: «Нет, – сказала ей, – днем я буду лечить людей, я для этого мединститут закончила. Не хочу бумажки перебирать». Да и платили по дневной ставке врачу дезстанции в три раза меньше, чем помощнику врача – эпидемиолога. То есть столько, сколько сейчас Марина и получала, работая врачом – инфекционистом. И не было больше вещевых премий: мешков сахара, муки, теплых пледов, которые нет-нет да и выдавались Марине и другим работникам стараниями строгой, но справедливой главврача.

Страхнув тяжелые мысли, Марина наклонилась к дочке и виновато шепнула: «Прости, солнышко, сегодня у нас только на хлебушек. Вот скоро мама получит зарплату и купит тебе «касеток». Торопливо купила хлеб, и, не глядя на продавщицу, опять взяла ручку грустной, притихшей Дашки и они вышли...

Эпизод 4. Мадина.

2002. февраль. Равия Газовна отодвинула овсяную кашку в фарфоровой тарелке поглубже, к середине стола, и строго сказала трехлетнему Ильдару: «Не вертись!» Ее дочь, Мадина, участковый терапевт, на хорошем счету, с перспективой стать заведующей терапевтического отделения, опять задерживалась на работе. Равия Гаязовна, заслуженный врач РТ, кардиолог, еще работающий, понимала дочь, и, в душе, не осуждала ее за частые задержки. Но, считала она, детей надо воспитывать строго. И это правило распространялось не только на трехлетнего Ильдара, но и на тридцати двухлетнюю Мадину. Дверь хлопнула и на пороге появилась дочь с пакетом продуктов. «Мама!», – громко закричал Ильдарик, выбежал в прихожую и бросился ей на шею. «Кашлял?», – спросила скорее у бабушки, Мадина. «Да, и зады-

хался» – «А я ингалятор купила». Она очень осторожно достала квадратное устройство. «Дорогое», – полуспросила – полувздохнула Равия Гаязовна. «Папа оплатил», – отшутилась Мадина. Папа вот уже пять лет был региональным менеджером, РМ, крупной западной компании. Первое время Мадина радовалась и заработку супруга и блестящей черной иномарке и появившемуся дома компьютеру. К компьютеру Мадина в отсутствие мужа подходить не решалась, но, когда он работал за ним, потихоньку присаживалась неподалеку – училась. Беда началась как-то незаметно: муж стал сначала отсылать Мадину к ребенку или на кухню, не давая ей наблюдать за его работой, а, потом, если она быстро возвращалась, стал раздражаться и прикрикивать. «Устает», – думала Мадина. Она терпела его холодность, упреки, жалела. А он относился к этому как к чему-то само-собой разумеющемуся... Был очередной обычный тренинг в Москве. Необычной стала его задержка на субботу и воскресенье после тренинга, а в понедельник, когда он приехал, все прояснилось. Мадина вечером принесла чай с губадьей мужу к компьютеру и на экране увидела письмо: «Русланчик, скучаю очень. Милый, твои горячие поцелуи греют меня в холодной Москве»... Письмо было длинное, но Мадина не стала дочитывать, поставила поднос и прошла в соседнюю комнату. Чемодан мужа был еще не разобранный после тренинга. Мадина достала еще один, побольше. Покидала туда рубашки, галстуки, два новых, купленных с последней зарплаты, костюма. Огляделась. На шкафу стоял покрывшийся легким слоем пыли кубок мужа с прошлого тренинга: «Лучшему региону по итогам 2001 года». Мадина подпрыгнула, ухватила кубок, но при этом задела их семейную фотографию на подставке, та упала, ударились о край прикроватной тумбочки и разбилась. На шум заглянул Руслан. Оценил картину и спросил: «Ты уверена?», – Мадина кивнула. Слезы стояли у горла, реветь она не собиралась, поэтому говорить не хотелось. Руслан еще раз, уже как на чужую, оценивающе посмотрел на нее: тоненькая, светлые короткие взъерошенные волосы, «как одуванчик», – подумалось ему. Прибежал и светловолосый, растрепанный Ильдарик, зацепился за ее ногу и, засунув палец в рот, насупившись, посмотрел на отца. «Копия – мать», подумал Руслан и решил: подхватил оба чемодана и вышел. Уже в прихожей он обернулся и зло бросил: «Ты без меня пропадешь, терапевтид. Что ты без меня сможешь?» дверь хлопнула, а Мадина вскинула подбородок, подхватила сына и потащила на кухню: «Пойдем с бабой чай пить!» «С пирожными?», – обрадовался Ильдар, – «С пирожными», – радуясь его радости и его пока такому непонятливому возрасту, откликнулась Мадина, вытирая плечом мокрые щеки. Как там, у Ахмадулиной?:

«Ты думаешь, что я из гордости хожу,
С тобою не дружу?
Я не из гордости, из горести
Так прямо голову держу».

Эпизод 5. Галина.

2002. ноябрь. Начмед Галина Дмитриевна Минченко аккуратным, буквой к буквке почерком, дописывала заключение КЭК: «ИБС I-II стадии, стенокардия напряжения, дисциркуляторная энцефалопатия II-III стадии, сопутствующий ОА коленных суставов, метаболический синдром». Она захлопнула карточку, сняла очки и посмотрела на дверь. В проеме было видно коридор и пять человек, ожесточенно спорящих, кто пойдет первым. Галина Дмитриевна подошла к двери, взглянула, улыбнулась: «Тише, граждане. Всех приму. Так, Геннадий Семенович, давайте карточку, проходите в дневной стационар на систему, Клавдия Ивановна, давайте направление, сейчас медсестра Вам все напишет, сидите, ждите. Так, Пеньков, Вы с чем? На КЭК? Через пять минут зайдете, и не шумите, граждане», – заключила она, возвращаясь в кабинет. «Марина, заполни, – она положила направление, карту, взяла со стола ключи от девятки и модную сумочку и вышла. Около машины сняла и аккуратно сложила на заднее

сиденье халат, села за руль и плавно, задом, вырулила со двора больницы. Синяя восьмерка без задних дверей покупалась несколько лет назад, чтобы маленький Владя не открывал дверцы машины и не высовывался на дорогу с риском выпасть.

Сейчас Владя был уже школьник, старшекласник и уже начинал ухаживать за девушками из класса. Маленькая квартира Галины была упакована, жила она без мужа, но на жизнь не жаловалась. Просвещенный, передовой доктор, знала и умела все – и массаж, и иглоукалывание, и пиявки, и блокады, и охотно помогала своим пациентам и в поликлинике и на дому, и они ее «не обижали». Жизнь удалась. Владя рос умным и спокойным. Черноволосый, высокий, красивый, немного сутулящийся, в очках, он нравился и девочкам в классе и девушкам постарше. Вылитый отец, ласково думала Галина. С отцом Владя у нее был бурный, но, как часто бывает, кратковременный роман. Она понимала, что не удержит гулену – красавца надолго и планировала забеременеть, оставить себе ребенка. Целеустремленная во всем, очень быстро получила желаемое и бросила будущего отца первой, не дожидаясь неизбежного влияния детского крика и мокрых подгузников на любимого. Он, в свою очередь, грустил недолго и к концу первой недели разлуки нашел замену Галине. Больше они не встречались. Раз в год, в день рождения Владя приходили деньги или подарок от отца, на который рано повзрослевший ребенок реагировал очень спокойно. Владя любил мать, восхищался ею, и ему вполне хватало ее заботы и ее советов. Она всегда была впереди – впереди соседок, впереди своих коллег – врачей и втайне гордилась этим. Последнее время, например, ей не давала покоя президентская программа подготовки кадров. Она навела справки: попасть в нее можно было только руководителям. Умные люди объяснили, что руководителем можно стать быстро в фармкомпаниии – там самая быстрая карьера и Галина вот уже три дня обдумывала, с какого конца лучше взяться.

Глава 2.

Такие люди.

Эпизод 1. Мадина.

«Ты ничего не добьешься. Ты без меня ничего не добьешься. Ты – терапевтоид» – в различных вариациях крутилось у нее в голове вот уже месяц. Просто сумасшествие какое-то. Мадина вытащила почту из почтового ящика. «Фармвестник» – газета, которую забирал муж во время своих набегов к сыну с очередной порцией дорогих подарков. Нет, «набеги» – это не о нем. Он слишком важный, с не вмещающимся никуда чувством собственного достоинства. Визитов. Визитов на дорогой иномарке с супердорогими подарками и снисходительным тоном по отношению к бывшей жене. «Добьюсь! Но с чего начинать?» Машинально Мадина свернула «Фармвестник» вдвое и в подвале первой страницы прочитала объявление: «Молодой отечественной компании требуются специалисты с высшим медицинским образованием, опытом работы врачом не менее двух лет, коммуникабельные, целеустремленные. Наличие водительских прав и владение компьютером приветствуется. Контактные телефоны...» Мадина не стала дочитывать и помчалась на второй этаж – звонить. Чуть резкий хриплый голос устроил ей по телефону настоящий допрос – час сорок минут; за это время она сама узнала о себе больше, чем за всю предыдущую жизнь. «Хорошо», – в конце концов на том конце телефонного провода удовлетворились и вынесли вердикт: «Приезжайте на собеседование, в 16.00». «На какой день?», – успела спросить Мадина. «Завтра, билеты мы возместим», – и раздались короткие гудки. Семь вечера. Поезд отходил в 19.54. Мадина заметалась по комнате, одеваясь. Деньги, паспорт, платье. Зачем платье? А что надеть? Позвоню мужу – что надеть на собеседование? Нет, не буду, сама справлюсь. Знаю. Костюм! Костюм, костюм... Ага, юбка, блузка... Пиджак? Нет, с пиджаком определенно не получалось – он болтался, как на вешалке. До рождения Ильдарики Мадина была на пару размеров представительней, этак килограммов на восемь. Ну и ладно. Зато к юбке есть сумка и туфли в тон. Руслан постарался, привез сумку из последней

командировки. Наверно не один выбирал... «Мама!, – Мадина решительно вошла, почти вбежала в комнату к Равие Гаязовне, – я уезжаю!» «Куда?» – «В Москву! На собеседование! В фармкомпанию, как Руслан». – «Дался тебе этот Руслан. Все свое доказать хочешь? И зачем ты это затеяла?» – «Я не ему, мама, я себе. Себе доказать хочу». «Ну поезжай, раз себе. За Ильдариком посмотрю», – и суровая Равия Гаязовна неожиданно обняла дочку.

Эпизод 2. Продолжение.

Молодой, энергичный менеджер ищет сотрудников... Амбициозная компания желает найти парочку людей готовых за небольшие деньги... Что готовых? Все готовых... Нет, объявление в Фармвестник никак не хотело составляться. Наконец Мадина осенило. Она раскопала то самое объявление, которое месяц назад превратило ее в регионального менеджера и переписала его полностью, добавив только города: Самара, Саратов, Тольятти, Нижний Новгород, Казань. «Алло, – редакция, – ее голос в трубке уже звучал очень уверенно, – пишите объявление».

Эпизод 3. Иллюзии телефонного интервью или наберут по объявлению...

Черноволосая девочка из Яманучи, Антипова Юлия не сказала Денису почти ничего полезного, но он понял главное: в МП набирают молодых людей, до 35 лет. А ему 36. Значит, шансы равны 0. Или практически равны 0, то есть без опыта работы «старому новичку» надо искать компанию попроще, без претензий. Да и ученой степени у него нет. Значит, российскую компанию. Зарплата, конечно, меньше, но шансы больше. И, вообще, любая ЗП МП будет в разы больше ЗП врача. Итак, согласно опросам, проведенным Денисом, врачи находили работу МП а) случайно – позвонили-пригласили, б) целенаправленно – по объявлению в газетах, в) как и все, в России – по блату, «по знакомству». Знакомых МП, если не считать тех, что ходили к нему как к врачу, не было. На случайности Денис Александрович никогда не рассчитывал, оставались объявления. Денис поднялся на третий этаж, в приемную главврача и выпросил у секретаря «почитать» всю прессу, которая приходила в поликлинику за последний месяц. И, конечно, объявление Мадина он нашел сразу.

Мадина, в общем, уже научилась проводить собеседование по телефону с кандидатами: и на тренинге научили, и потренироваться «на кошечках» успела. Но, к счастью, на традиционные вопросы: «Кем Вы видите себя в нашей компании через три года?» и «Почему Вы хотите у нас работать?» Денису хватило ума и такта не ответить: «РМ» и «Потому что в западную компанию не берут», как это сделал предыдущий кандидат. На ответ горе-претендента: «Региональным менеджером, вместо Вас», у Мадина тут же вырвалось: «А я?», – «А Вы уйдете куда-нибудь», – пообещали ей. Разговаривая с Денисом, Мадина представляла плотного, склонного к полноте, чуть лысеющего брюнета-мужчину, флегматика и умницу. Через пару месяцев после его устройства на работу она поехала к нему на двойные визиты и была поражена его карими глазами, русым ежиком волос и спортивной фигурой.

Денис же, напротив, никак не представлял себе свое новое руководство, но, зато, когда по ходу интервью ему предложили задавать вопросы, тут же уточнил: «А у Вас есть домашнее животное, как Вы вообще к ним относитесь?» – «Да, есть – ответила слегка растерянная Мадина, – и вообще, люблю их и подкармливаю». «Это здорово, – подумал Денис, – значит, добрая».

Эпизод 4. 2003, начало марта.

Марина уложила дочку спать и подвинула к себе стопку будущих квитанций. На самом верху лежала газета, на которую Марину бесплатно подписали на одной из конференций – «Фармвестник». Марине нравились и заметки и новости, но сейчас было совсем некогда, и она было отодвинула ее подальше, но в круг света от лампы попал непонятный значок – и кусок объявления «...представители требуются в Казани, Нижнем Новгороде». Марина придвинула газету и нашла объявление о работе. Сколько будет зарплата, ее не интересовало, ведь гораздо важнее было примечание – возможность работы по часам или совмещения. Врачебную работу она бросать не собиралась. Позвонила на следующий день. Ее пригласили к часу на собеседование. Выходя с работы, она увидела тучи, и дождь не заставил себя ждать. Зонта не было. Идти пешком на собеседование предстояло 20 минут самым быстрым шагом. «Все равно такую мокрую курицу на работу не возьмут», – подумалось ей. Но, по мере приближения к дому, совесть заговорила в ней все сильнее: «Человек тебя будет ждать, а ты?» Да, что есть, то есть, нехорошо. «Ладно, – пообещала своей совести Марина, – схожу, отмечусь». Перед ней на собеседовании был толстощекий татарин. Он никуда не торопился, но разговаривающая с ним светловолосая очень интеллигентного вида девушка все время поглядывала на часы.

Наконец она встряла в возникшую на секунду паузу и решительно прервала собеседника: «Спасибо, думаю, на сегодня достаточно, в случае положительного решения я Вам позвоню». «Девушка, – сказала она, обращаясь к Марине, – Вы на собеседование? Проходите». Собеседование неожиданно Марине понравилось – они нашли общих знакомых, Марина вспомнила препарат, который продавала Мадина, она даже пробовала его назначать после конференции и осталась довольна эффектом. А когда ей предложили продать ручку, Марина, неожиданно для себя, проявила такие чудеса рекламы, что ручка была продана за цену в два раза превышающую заявленную Мадиной на входе номинал. В какой-то момент Марина подняла голову и увидела, что уже два кандидата дожидаются своей очереди – вместо полчаса собеседование заняло 1,5 часа! «Я Вам позвоню! – заявила Мадина, – только вот...» Она замаялась. «Да?» – «Только вот зарплата у Вас будет 300 долларов»... Марина потрясенно молчала. Девять тысяч! Ее врачебная зарплата с расширением плюс полставки была 2700 до вычета и 2400 после вычета, и отнюдь не долларов. Молчание ее было истолковано превратно. «Но еще тысяча на проезд и 700 на интернет и тренинги в Москве и бонусы раз в квартал», – заторопилась Мадина. «Я согласна», – сдавленно сказала Марина. Она вернулась домой, на завтра никто не позвонил, и через неделю тоже. Марина начала забывать, да и время было такое – не приходилось верить громким обещаниям. И вот однажды, когда в ее кабинете, по обыкновению, сидели ангинозные на мазок на дифтерию, один с подозрением на ОКИ, медсестра со второго участка с листом наблюдения за очагом, раздался звонок и ее медсестра важно, на весь кабинет произнесла: «Марина Владимировна, Вас Москва вызывает!». «Приезжайте, завтра в 16.00 ждем Вас в офисе по адресу...». Марина ошарашено повесила трубку. Ее медсестра, с полувзгядя улавливающая настроение Марины, не смогла определиться и спросила: «Радоваться или что-то случилось?» – «Случилось. Радоваться», – ответила Марина и побежала к главному – отпрашиваться.

«Я тебе ставку дал? Я тебе полставки еще дал? Расширение дал?» – «Да, Ильяс Рашидович».. – «Ну только кошелек свой отдать могу»... «Я вернусь, пообещала Маринка, – вот только заработаю на компьютер, и вернусь.» «Да, – сказал мудрый главный, – Сначала на компьютер, потом на машину... Ты совмещай, не уходи сразу». И Маринка пообещала.

Эпизод 4. 2003, конец марта.

В очередной раз угодив прямоком в лужу, притаившуюся под тонкой корочкой снега, Марина остановилась и окликнула институтскую подружку, которая переехала год назад в Москву, встретила Маринку на вокзале, отвезла в район, где обосновалась новая Маринкина

компания и теперь уже успела пролететь полквартиры вперед: – "Лена, стой, кажется, мы пришли".

Подружка круто развернулась, небрежно отодвинула с глаз светлую челку и с разбегу взлетела на ступеньки офисного здания: "Ну что ты стоишь, Маринка, догоняй!". На лестнице был полумрак, и когда Марина потянула на себя дверь, и в глаза ударил яркий свет из окна напротив двери, Ленка внезапно потеряла всю решительность и неожиданно тихим голосом произнесла: "Ну ладно, я тебя проводила, дальше ты сама", – и смылась. Марина поправила челку, вздернула подбородок, придала себе уверенно – независимый вид и, шагнув в проем, приготовилась поздороваться...

В коридоре у принтера стоял высокий кареглазый светловолосый парень и, не отрывая взгляда, рассматривал Марину. То ли от волнения – каким будет ее первый день на новом месте, то ли от смущения – что не знает, стоит ли первой поздороваться с ним и к кому ей обращаться дальше, но Марина почувствовала холодок в груди, к которому примешивалось какое – то непонятное нарастающее ощущение счастья. Потом она часто будет просыпаться с этим ощущением, постепенно осознавая, что уже не спит, но пытаюсь не шевелиться и не открывать глаза, чтобы не спугнуть это чувство. Видимо на гормональном уровне, а может, с помощью зеркальных нейронов, которые на тот момент наука еще не открыла, но каждая девушка интуитивно сразу определяет, нравится ли она мужчине. Этому парню Марина не просто нравилась, его, похоже, просто привязали к Марине в ту секунду, когда он ее увидел. "Вы – новенькая, – из Казани", – сначала Марина услышала хриплый, прокуренный голос, а потом увидела его обладательницу. Худая дама со странной прической, отдаленно напоминающей каре, впиалась в нее взглядом. Довольно неуютно было стоять в прицеле такого холодного внимания, но Марина выдержала паузу и дождалась, пока ей предложили пройти и раздеться. Когда первая неловкость знакомства со всеми прошла, Маринка сразу освоилась, сдружилась с Сергеем-айтишником, и он пообещал ей скинуть пару нужных файлов по работе. Менеджеры по продукту ее немного напугали своей строгостью, поэтому Марина решила пока держаться от них подальше, хотя в трехкомнатном офисе с небольшой кухней, почти всю которую занимал круглый стол, сделать это было нелегко. Проходя мимо зеркала в прихожей, она увидела свои растрепанные волосы и достала расческу... «А ты знаешь, если женщина расчесывает волосы при мужчине, она открывает ему свои тайны», – раздалось вкрадчиво над ухом, и Марина увидела в зеркале кареглазого парня. «Денис, – тут же представился он, – твой коллега». «А у меня от коллег тайн нет», – кажется, удалось отшутиться. К счастью, разговор тут же прервался – их позвали в автобус. Тренинг обещал быть нелегким – целых две недели, в еще заснеженном Подмоскowie. Позднее Марина узнала, что такой длинный тренинг обычно проводили в западных компаниях, таких, как Санofi, и совсем не проводили в отечественных. Еще позднее Марина осознала, что такой серьезный подход к обучению стал одной из ключевых компетенций компании. Те компании, где сотрудники объявляются самой большой ценностью на словах, но в их обучение и развитие вкладывается «ничего», в результате и получают «ничего». В ее новой компании идеологии и высоких слов на входе не было, зато была глубокая подготовка и все условия для сплочения новичков.

Кроме их группы МП в пансионате, с тривиальным названием: «Сосенки», никого не было, и администратор не утруждался сидением на рецепшен, поэтому команда репов (medical representative – медицинских представителей) чувствовала себя в полной изоляции. Особенно вечером, когда сначала уезжали менеджеры по продукту, а потом даже персонал покидал пансионат. Оставались только новоиспеченные медицинские представители и девушка, дремавшая в комнатке за стойкой рецепшн.

В этих заснеженных "Сосенках", с темным лесом без единого огонька за окнами, без телефонной связи и появившегося лет через пять Wi-Fi они очень сдружились, вчерашние врачи с разным врачебным опытом работы и разными специальностями, разными обстоятельствами, которые привели их в фарму (фармацевтический бизнес). В команде почти половина были «старожилами» – с опытом работы от полугода до года. Маришка, как все новички, переживала свое предательство идеалов – то, что она бросила высокое предназначение врача и ушла к "торгашам", но старалась держаться к старичкам поближе – понять, как они пережили этот Рубикон, как себя чувствуют, как себя ведут и каким полезным практическим вещам от них можно научиться. На третий с момента приезда день старички-девчонки собрались в баню, и, конечно, позвали с собой Маришку. Ей льстило, что ее выделяют, и она сразу откликнулась на приглашение.

Но попариться ей в этот вечер не удалось – слишком интересные, новые вещи в предбаннике обсуждались старожилами. Потенциал, лояльность, мотивация, стимулирование, преискрайберы, стандарты. Особенно горячилась Галина: «Она мне – Флемоксин! А я ей – но ведь есть же период полувыведения! Это же надо учитывать при назначении? А спектр действия? Надо же воздействовать на всю микрофлору и грамотрицательную, и грамположительную, и не только! Вы же сказали, это важно?», – в общем, и без мотивации справляемся», – не без гордости сказала она. Глаза ее горели. Марина не все понимала в терминах и намеках, которыми сыпала Галина, но один очень важный вывод она для себя сделала: если начмед «в девичестве» с многолетним стажем, в прошлом выпускница лечфака с красным дипломом, умница, с таким жаром и блеском в глазах занимается этой работой, значит, однозначно, работа того стоит. И от осознания этой мысли стало намного легче.

Позднее в тяжелые моменты она поднимала себе настроение этим осознанием своей причастности – к общему делу, к профессиональным людям. Медпредставители – или medical representative – полевые силы, это когда ты один в поле, один на территории, один за все отвечаешь, один держишь удар и один выполняешь все обязательства, которые опрометчиво надавал. Потом, став руководителем таких же людей, она придумала название этой компетенции – автономность. Активное одиночество «в полях» – как в мамином любимом фильме «Девчата» – «Никто над ней не стоит, а она все работает и работает». Без поддержки и единомышленников было, как на фронте, в окружении. А еще допекало вот это, постоянное, особенно по окраинам и в командировках, где народ был попроще: «Здравствуйте – я – медицинский представитель» – «Мы ничего не будем покупать». – «Да я и ничего и не буду продавать. Я – медицинский представитель, расскажу Вам о препаратах». – «Много тут Вас ходит, книжки вот с утра продавали, каждая книжка – 1000, а в киоске напротив я их за 500 видела». – «Да, это действительно неприятно, вместе с тем я ничего не буду Вам продавать, только рассказывать, я медицинский представитель, проинформирую Вас о наших новых препаратах?» – «Ну ладно, информируйте».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.